

Пушкин и Чайковский

Большой театр — 1998 — 25 февр. (№ 6)

Мы продолжаем знакомить читателей с наиболее интересными публикациями, связанными с именем А. С. Пушкина, вышедшими в свет в разные годы. Предлагаем вашему вниманию статью Л. Вадимова «Пушкин и Чайковский», опубликованную в газете «Советский артист» в 1949 году.

Имя великого русского поэта А. С. Пушкина неразрывно связано с именем великого русского композитора П. И. Чайковского, высшими точками оперного творчества которого явились «Евгений Онегин» и «Пиковая дама».

Зарождение замысла оперы «Евгений Онегин» и начало работы композитора над нею относятся к весне 1877 года. Сам композитор так рассказывает об этом:

«На прошлой неделе я был как-то у Лавровской*. Разговор зашел о сюжетах для опер. Я молчал невообразимую чепуху и предлагал самые невообразимые сюжеты. Лизавета Андреевна молчала и добродушно улыбалась, как вдруг сказала: «А что бы взять «Евгения Онегина?» Мысль эта показалась мне дикой, и я ничего не отвечал. Потом, обедая в трактире один, я вспомнил об «Онегине», задумался, потом начал находить мысль Лавровской возможной, потом увлекся и к концу обеда решился. Тотчас побежал отыскивать сочинения Пушкина... и провел совершенно бессонную ночь, результатом которой был сценарий прелестной оперы с текстом Пушкина.

...Ты не поверишь, до чего я яруюсь на этот сюжет. Как я рад избавиться от эфиопских принцесс, фараонов, отравлений, всякого рода ходульности. Какая бездна поэзии в «Онегине»! Я не заблуждаюсь, я знаю очень хорошо, что сценических эффектов и движения будет мало в этой опере, но общая поэтичность, человечность, простота сюжета в соединении с гениальным текстом заменяют с лихвой все недостатки».

По-видимому, брат композитора Модест Ильич, которому было адресовано это письмо, возражал против замысла писать оперу «Евгений Онегин». Спустя три недели, в следующем письме к нему, композитор писал:

«Твои критики на выбор «Онегина» разозлили меня, но это продолжалось одно мгновение. Пусть опера моя будет несценична. Пусть в ней мало действия. Но я влюблен в образ Татьяны, я очарован стихами Пушкина и пишу на них музыку, потому что меня на это непреодолимо тянет. Я совершенно погружен в сочинение оперы».

* Е. А. Лавровская — известная певица (1849—1919 гг.).

Чайковский великолепно понимал, что в «Онегине» он резко прерывает с установленными в оперном жанре штампами и традициями. Он шел на этот разрыв сознательно, с готовностью на успех, в котором был почти уверен. «Очень может быть, что Вы правы, говоря, что моя опера не сценична, — писал он Танееву, — но я вам отвечаю, что мне на несценичность плевать... Несценично, так и не ставьте, и не играйте!! Я написал эту оперу потому, что мне в один прекрасный день захотелось положить на музыку все, что в «Онегине» просится на музыку. Я это сделал, как мог. Я работал с неописуемым наслаждением и увлечением, мало заботясь о том, есть ли движение, эффект и т. д.»

Если в «Евгении Онегине» раскрылись во всей полноте музыкально-драматургические принципы оперного творчества Чайковского, то в «Пиковой даме» эти принципы получили наиболее зрелое художественное воплощение. Ко времени создания «Пиковой дамы» — к самому концу восьмидесятих годов прошлого столетия — дарование Чайковского достигло наивысшего расцвета. «Пиковая дама», несомненно, является вершиной оперной драматургии Чайковского.

О возникновении замысла «Пиковой дамы» композитор рассказывает так:

«...Я решил отказаться от всех заграничных и здешних приглашений и уехать куда-нибудь в Италию отдыхать и работать над будущей моей оперой. Я выбрал сюжетом для этой оперы «Пиковую даму» Пушкина.

Как известно, опера «Пиковая дама» была написана Чайковским необычайно быстро.

Иначе протекала работа Чайковского над третьей оперой, написанной им на пушкинский сюжет, — «Мазепой», которую композитор создал в промежутке между «Онегиным» и «Пиковой дамой». Вживание в сюжет новой оперы происходило с большой постепенностью. Работа началась летом, в июне 1881 г., и шла медленно, с остановками, с охлаждениями, сомнениями. Замысел долго «не давался». Композитор откладывал работу, брался за другие произведения. «Никогда еще так трудно мне не давалось какое-нибудь большое сочинение, как эта опера», — писал он.

Чайковский со своим взглядом на оперу, как на реалистическую драму, глубоко воспринимал творчество Пушкина. «Вы говорите, милый друг, — писал он Мекк, — что в «Евгении Онегине» мои музыкальные узоры лучше канвы, по которой они вышиты. Я же скажу Вам, что если моя музыка к «Евгению Онегину» имеет до-

стоинство теплоты и поэтичности, то это потому, что мое чувство было согрето прелестью сюжета. Вообще мне кажется, что, признавая за текстом Пушкина только красоту стиха, Вы несправедливы. Татьяна не только провинциальная барышня, влюбившаяся в столичного франта. Она — полная чистой женственной красоты девическая душа, еще не тронутая прикосновением к действительной жизни; это мечтательная натура, ищущая смутно идеала и страстно гонящаяся за ним... Итак, если я горел огнем вдохновения, когда писал сцену письма, то зажег этот огонь Пушкин, и откровенно Вам скажу, вовсе не из напускной скромности, а вполне сознательно. Что если моя музыка заключает в себе хотя бы десятую долю той красоты, которая в самом сюжете, то я очень горжусь этим».

Музыка поэзии Пушкина была созвучна Чайковскому. Композитор с исключительной меткостью выразил свое понимание музыки Пушкина, когда писал, что Пушкин «силой гениального таланта очень часто врывается из тесных сфер стихотворчества в бесконечную область музыки». «Это не пустая фраза, — указывал далее Чайковский. — Независимо от сущности того, что он излагает в форме стиха, в самом стихе, в его звуковой последовательности есть что-то проникающее в самую глубину души. Это что-то и есть музыка».

Чайковскому, несомненно, импонировала также национальная самобытность творчества Пушкина, которую он утверждал в национальном разрешении тем, сюжетов и образов общечеловеческого и общеисторического значения. «Каменный гость» или «Моцарт и Сальери» Пушкина, несмотря на их сюжет, — типические произведения русской культуры. То же самое можно сказать об «Орлеанской девице», о «Спящей красавице», о «Щелкунчике», об «Иоланте» Чайковского.

И в «Онегине», и в «Мазепе», и в «Пиковой даме» Чайковский по-своему трактовал пушкинские образы. Дело не в изменениях и отклонениях от хода сюжета, например, «Пиковой дамы», когда Герман не попадает в дом умиленного, а закалывается тут же в игорном доме. Дело в иной трактовке персонажей и в том, что Чайковский на материале пушкинских произведений ставил свои темы.

Благодаря творческому слиянию гениального поэта и гениального композитора наша культура обогатилась такими бессмертными оперными произведениями, как «Евгений Онегин», «Мазепа» и «Пиковая дама».

Л. ВАДИМОВ,
«Советский артист»,
1949 г., № 22, 3 июня.